

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5; oleg.yanitsky@yandex.ru)

САММИТ G-20: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Аннотация. На примере саммита G-20 рассматриваются социологические аспекты глобальных проблем современного мира. Автор утверждает, что предметом их социологического анализа должны быть такие темы, как мировой социальный порядок, анализ глобальных сетей и инфраструктур, характер их сопряженной динамики, правила игры на глобальной арене, проблемы международного терроризма и характер межличностного взаимодействия мировых лидеров. В заключение приводится перечень актуальных направлений в данной сфере социологического анализа.

Ключевые слова: G-20, глобализация, правила игры, сети, социальный порядок, межличностная коммуникация, терроризм

Только что закончился саммит G-20, где обсуждались насущные экономические и политические проблемы глобального мира. А что же о нем говорит социология? Или же она замкнута только на национальных и региональных проблемах? Беглый обзор таких ключевых международных журналов, как *International Sociology* и *Current Sociology*, за последние 10 лет свидетельствует, что предмет глобальной социологии (или социологии глобализации) еще не определен. Скорее, речь за эти годы шла о влиянии «третьей технологической революции» и ее роли в формировании «сжимающегося мира». Это, несомненно, важная проблема, но далеко не единственная для современной социологии. С.А. Кравченко, З. Бауман, У. Бек, М. Кастельс, Дж. Урри обозначили такие ключевые подходы к формирующемуся глобальному миру, как вероятностный, информационный, ресурсный и рискологический. Но при всей их важности они пока еще мало говорят о собственно социальной специфике формирующегося глобального мира. Удивительно, что недавний форум МСА в Вене (Австрия), посвященный будущему мира, судя по опубликованным выдержкам из докладов, также не определился в этом отношении. Напоминать в очередной раз, что такие традиционные для социологического анализа проблемы, как неравенство или конфликты, приобрели международный характер, сегодня уже недостаточно. Посмотрим сначала, какие темы, понятные социологам, обсуждались на G-20, а потом я попытаюсь обозначить возможные направления развития социологии глобализации.

Во-первых, это проблема мирового социального порядка. Как бы мировые лидеры ни переводили ее на язык экономики или политики, это традиционная для социологии проблема. Конечно, для ее «глобализации» нужны иные инструменты. Только статистические сопоставления уровней дохода или потребления здесь недостаточны. Массовые международные опросы также не дают ни динамики этого порядка, ни рисков, ею порождаемых. К сожалению, не социологи, а глобально мыслящие экономисты поняли, что одним из таких инструментов является анализ глобальных сетей и инфраструктур. Вообще анализ как политических, так и социальных сетей, столь распространенный в изучении СМИ, плохо прививается в современной социологии. Между тем даже если просто перечислить число и характер встреч президента РФ В.В. Путина с другими мировыми лидерами, уже можно было бы сделать весьма любопытные выводы.

Во-вторых, мировой социальный порядок требует изменения правил игры на глобальном поле. События последних лет и даже месяцев показали, что только

экономических или политических правил игры теперь уже недостаточно. Такие глобальные экономические институты, как Мировой банк или Международный валютный фонд, критически отстают от динамики глобального мира. А Европейский союз пока не справляется с вызовом массового наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Пора уже понять, что в основе правил игры всегда лежат не только экономические или политические интересы, но и господствующие ценности, светские или религиозные. А вот это уже наша проблематика.

В-третьих, это проблема международного терроризма как глобального риска. Почему экономисты и политики объединяют свои усилия в ее изучении, а мы этого не делаем? Да, отдельные теракты в США, Европе и в России изучаются, но главным образом политически, а не социологически. Ведь прежде чем что-то запрещать на законодательном уровне, надо этот феномен изучить со всех сторон, в т.ч. с точки зрения социологии. Ведь, строго говоря, террор — это часто инструмент для преодоления веками копившейся несправедливости или же для реализации планов амбициозных политиков.

В-четвертых, любой структурно-функциональный анализ зиждется не только (а сегодня уже — не столько) на изучении неких социальных структур, но, прежде всего, на понимании их динамики, эволюции и взаимных трансформаций. Каким законам подчинена динамика глобального мира — вот ключевая проблема! Ключевой она является потому, что мир сегодня представляет собой весьма противоречивую социобиотехническую систему, развивающуюся нелинейно — скачками и неожиданными ходами. На G-20, как и на предыдущих саммитах, климатическая, точнее, геосферная составляющая этой динамики была только обозначена, но глубоко не обсуждалась.

В-пятых, российские и международные аналитики заметили, что на данном саммите обозначилась его некоторая «семейность», личностный характер взаимодействия мировых лидеров. Несмотря на всю официальность данного мероприятия, лидеры все чаще общались (или, наоборот, ссорились, а потом извинялись) как-то по-семейному. А почему, собственно говоря, нет? Ведь в идеале наш тесно интегрированный мир — это некая «большая семья» или, как когда-то сказал А. Тофлер, «большая деревня». То есть, сквозь годами разработанный дипломатами «протокол» вновь прорвался чисто личностный интерес его участников друг к другу. И это вполне естественно, потому что глобальная геополитика определяется не в последнюю очередь типом личности мировых лидеров.

На мой взгляд, уже сегодня можно выделить еще целый ряд насущных направлений в изучении глобальной социодинамики.

Во-первых, нужен свежий взгляд на базовые ценности и цели ее участников. Что-то все более возникают сомнения, что все они подчинены целям глобального господства и принципу «разделяй и властвуй». Целый ряд этих участников, включая Россию, Китай и десятки других стран мира, стремятся к сохранению своей социальной идентичности, культурной самобытности и привычного природного окружения. Всякая новизна ситуации не абсолютна, она хороша только тогда, когда есть «точка опоры», т.е. историческая память и личное, групповое или национальное социальное и культурное пространство. Во всяком случае, вступая в международные альянсы и союзы, мы должны помнить о сохранении своей национальной и культурной идентичности. Я глубоко уважаю З. Баумана, но созданный им образ космополита как человека «в спортивных тапочках и с мобильником в руке» меня не прельщает.

Во-вторых, для этой цели надо постараться выявить социальные архетипы главных участников этой динамики. Для нас, россиян, осуществляющих сегодня стратегический поворот на Восток, это особенно существенно. Признаемся,

нашего знания истории и культуры Китая и стран Юго-Восточной Азии, равно как Африки или Латинской Америки, для этого недостаточно. Когда я в 1950-х гг., будучи еще студентом, взялся за изучение культуры Бразилии, ее исторических корней, я был совершенно сражен своей неграмотностью в области истории и характера людей этой части мира. Обратная сторона той же медали — это культура массы, а не массовая культура, которую так пропагандируют социологи-авангардисты. По методу своих многолетних исследований я — приверженец качественных методов в социологии, поэтому привык подолгу разговаривать с людьми, с самыми разными людьми. Никакой массовый опрос не может дать того глубокого и многостороннего знания, которое могут дать не только интервью, но просто включенное наблюдение. В годы перестройки я познакомился с американским студентом, который просто ездил в поезде «Москва—Владивосток» и обратно, слушая разговоры пассажиров. Кто не поверил — могу показать его отчет. Но он совсем не единственный в своем роде: молодая защитница природы, когда едет домой (с пересадками) на побывку, читает лекции по экологии пассажирам, весьма далеким от наших московских страстей. Но ее, девчонку, слушают, задают вопросы и говорят сами. Если мы действительно хотим мира, то диалог должен идти на всех уровнях — от президента до школьника. Селфи, фотки, переругивание в сетях не могут, не должны заменять личное общение. Новейшие технологии нужны, но быть рабом «интернета вещей» (К. Шваб) — такая перспектива меня не прельщает.

В-третьих, исследование названных социальных архетипов хорошо бы вести в связке с изучением возможных трендов и сценариев и их роли в динамике глобального целого. Один частный, но важный вопрос. В 1960—1970-х гг. существовало международное движение «За мир во всем мире». Западные политологи утверждают, что оно было инспирировано Советским Союзом. Но это не так, потому что такое движение не могло бы существовать, если бы не было мощных национально-освободительных движений в бывших колониях европейских стран. Не парадокс ли: в современном глобальном мире множатся локальные войны и конфликты, общее напряжение и страх перед «большой войной» возрастают. Однако нет больше глобального движения за мир, есть только национальные и локальные движения. Опять мне возражат сторонники *Real Politik*: глобальная политика делается глобальными игроками. Да, но опять же далеко не всегда и не вся. А что же тогда, например, представляет собой массовый поток беженцев и переселенцев из стран Ближнего Востока и Африки в Европу? Это, конечно, не движение за мир, но очевидно, что это массовое движение. И возникает такая крамольная мысль: а не есть ли это массовое движение формой «тихой» борьбы за свое лучшее и мирное будущее? За доступ к благам цивилизации, которые уже много веков явно и тайно вывозятся из этих стран европейцами, да и вообще всеми «сильными мира сего»?

В-четвертых, если мы найдем ответы на предыдущие вопросы, тогда можно приступать к анализу социальных причин и динамики глобальных конфликтов. А это означает, что социология не может довольствоваться только периодическими «срезами» общественного мнения по отдельным проблемам. Сегодня методически неверно разрезать единое тело мировой политики на «ломтики» срезов общественного мнения. Необходимо переход к постоянному мониторингу развития таких конфликтов и, соответственно, к построению сценариев их динамики. Перед G-20 шел длительный, но необходимый процесс переговоров Д. Керри и С. Лаврова. Почему бы социологам не изучать эти *one-to-one* процессы коммуникации? Но есть и другая сторона этой динамики. Как я уже неоднократно говорил, современный мир — это глобальная социобиотехническая система. И ее общая динамика заслуживает специального исследования. Но уже очевидно, что

природа предъявляет человечеству счет. И кто и как будет этот счет оплачивать, пока неясно. Пока нам все кажется, что это — случай, завтра будет лучше и т.д. Но один тренд уже наметился: человечество все более разделяется на «пострадавших» и «спасателей». Численность и оснащенность сил МЧС, «врачей без границ», «голубых касок», гуманитарных миссий и конвоев в мире угрожающе растет.

В-пятых, наконец, почему бы социологам, помимо изучения глобальных политических сетей и межличностных контактов мировых лидеров, не заняться исследованием роли личностей в современной истории, то есть роли тех мировых лидеров, которые формируют повестку дня глобальной динамики. Экономисты скажут, что все решают транснациональные корпорации и международные альянсы. Согласен, но частично. Разве по поведению на саммите президента США Б. Обамы не было видно, как он огорчен, что его план создания двух транс-океанских альянсов без двух глобальных ключевых игроков — Китая и России — рухнет буквально на глазах? Разве было не видно, что В.В. Путин держался достаточно уверенно на встречах с самыми разными мировыми и региональными лидерами? Вообще, увлекшись изучением рынка и других деперсонализированных механизмов формирования глобального миропорядка, мы как-то забыли о существовании индивидуальной и социальной психологии. В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, З. Фрейд, И. Гофман и другие великие психоаналитики, как потом выяснилось, были во многом правы в их оценке психологических типов мировых лидеров XX века! А ведь историю всегда делали и делают живые люди, со своими страстями и амбициями, тем более что такой исследовательский опыт, и весьма поучительный, есть и в отечественной, и в мировой социальной психологии. Может быть, в частности, такой оборот подвигнет отечественных социологов к рефлексии по поводу истории отечественной социологии и роли в ней отдельных персон, что сегодня в очередной раз отдано на откуп иностранным гастролерам. Общий вывод: глобальная социология сегодня — это проблемно-ориентированная и междисциплинарная отрасль знания, способная ориентироваться в нашем сложном и беспокойном мире.

YANITSKIY Oleg Nikolaevich, Dr.Sci.(Philos.), Professor; Chief Researcher of the Institute of Sociology, RAS (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; oleg.yanitsky@yandex.ru)

THE G-20 SUMMIT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF GLOBAL ISSUES

Abstract. *The last G-20 Summit raised a set of actual issues of global processes, which must be a subject of sociological analysis. Among them are the global social order, global networks and infrastructures, models of their interdependent dynamics, rules of the game on the global arena, problems of international terrorism and the nature of interpersonal interaction of world leaders. In conclusion, the author lays down and substantiate the acute topics of global sociological analysis.*

Keywords: *G-20, globalization, interpersonal communication, rules of game, social order, modern terrorism*
